

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

DOI: 10.31857/S086919080028694-0

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ *ṢALĀT* В КОРАНЕ:
РИТОРИЧЕСКАЯ И ЭМОТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ
В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

© 2023

В.А. РОЗОВ ^a

^a – Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-6362-4721; vladirozov@yandex.ru

Резюме: Ритуальная молитва (намаз или саят) играет важную роль в исламской ритуальной практике, а также в конструировании и поддержании исламской идентичности. В статье рассматриваются различные нарративные контексты, в которых лексема *ṣalāt* встречается в тексте Корана. При этом особое внимание уделяется эмотивной и риторической составляющей соответствующих фрагментов коранического текста. В ходе исследования было выделено несколько наиболее типичных контекстов использования этого термина: (1) связь этого термина с историями о пророках прошлого; (2) обязательность исполнения ритуальной молитвы для «людей Писания»; (3) признание участия в ней основанием для того, чтобы считать человека верующим; (4) осуждение показного выполнения молитвы; (5) ее апотропеические свойства и влияние на существо потустороннего мира. Таким образом, ритуальная молитва является одним из важнейших критериев, отличающих верующего от неверного, а обязанность совершать молитву возложена на каждого верящего в Бога человека. При этом иудеи и христиане критикуются именно за пренебрежение этой обязанностью. Коранические фрагменты, в которых звучат призывы к исполнению коллективной молитвы, оформлены в качестве формульных выражений вне зависимости от того, вкладываются ли они в уста какого-либо из пророков прошлого или же самого Мухаммада. При этом молитва, несмотря на признание ее трудной для исполнения обязанностью, способна устранить зло, оградить верующего от происков сверхъестественных существ. Таким образом, коллективная молитва уже в самые ранние этапы формирования мусульманской общины являлась важным инструментом установления религиозной идентичности и свидетельством веры в Бога. Сам концепт ритуальной молитвы в кораническом тексте, вне зависимости от хронологии его ниспослания и эволюции этой лексемы в качестве узко-исламского религиозного термина, является одним из важнейших критериев веры и неверия, отличительным признаком принадлежности к общине верующих.

Ключевые слова: саят, ритуальная молитва, Коран, Мухаммад, исламская община, эмотивный анализ, контекстуальный анализ.

Для цитирования: Розов В.А. Использование лексемы *ṣalāt* в Коране: риторическая и эмотивная составляющие в контексте религиозной идентичности. *Восток (Oriens)*. 2023. № 6. С. 150–159. DOI: 10.31857/S086919080028694-0

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-28-01046, <https://rscf.ru/project/22-28-01046/>.

USE OF THE LEXEME *ṢALĀT* IN THE QURAN: RHETORICAL AND EMOTIVE COMPONENTS IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS IDENTITY²

© 2023

Vladimir A. ROZOV ^a

^a – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-6362-4721; vladirozov@yandex.ru

Abstract: *The ritual prayer (ṣalāt) plays an important role in Islamic ritual practice, as well as in the construction of Islamic identity. The article discusses various narrative contexts in which the lexeme ṣalāt occurs in the Quranic text. Special attention is paid to the emotive and rhetorical component. The most typical contexts are: (1) relation of this term to stories about the prophets of the past; (2) its performance being obligatory for the ‘People of the Book’; (3) prayer as a basis for considering someone a believer; (4) condemnation of ostentatious prayer; (5) its apotropaic properties. Thus, ritual prayer is one of the most important criteria that distinguishes a believer from an unbeliever: the obligation to pray is assigned to every person who believes in God. At the same time, Jews and Christians are criticized for neglecting this duty. The Quranic fragments, calling for the prayer, contain specific formulas, regardless of whether they are attributed to the prophets of the past or Muhammad himself. The prayer, despite being a difficult duty, is able to protect a believer from the evil schemes of supernatural beings. Thus, the ritual prayer has already been an important tool for establishing religious identity and evidence of faith in God in the earliest Muslim communities. The very concept of ritual prayer in the Quranic text, regardless of its chronology and the evolution of this lexeme as a religious term, is one of the most important criteria of faith, a distinctive sign of belonging to a community of believers.*

Keywords: *ṣalāt*, ritual prayer, Quran, Muhammad, Islamic community, emotive analysis, contextual analysis.

For citation: Rozov V.A. Use of the Lexeme *Ṣalāt* in the Quran: Rhetorical and Emotive Components in the Context of Religious Identity. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 6. Pp. 150–159. DOI: 10.31857/S086919080028694-0

ВВЕДЕНИЕ

Ритуальная молитва, намаз или *сала́т* (*ṣalāt*), имеет большое значение в исламе, являясь одним из пяти его столпов, т.е. обязательных религиозных практик. Он выполняется пять раз в день и напоминает мусульманам о их обязательствах перед Аллахом. Ритуальная молитва помогает мусульманам поддерживать связь со своим Творцом, концентрироваться на своих мыслях и рефлексии, а также успокаивать свой дух и находить внутренний покой. Она служит важным средством в практике ислама для достижения духовной благодати, морального и физического здоровья. Немаловажно, что ежедневная молитва помогает мусульманам быть более дисциплинированными и организованными в своей жизни, подталкивая мусульман к тому, чтобы быть ответственными за свое время и упорядочивать свои действия в пределах дня.

Необходимо отметить, что *сала́т* может быть как индивидуальным, так и коллективным ритуалом, который выполняется совместно мусульманами в мечети или другом общем

² The research was supported by Russian Science Foundation, project no. 22-28-01046, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01046/>.

месте для молитвы. Таким образом, он также имеет большое значение в формировании идентичности мусульман. Он помогает укрепить чувство солидарности и заявить о своей принадлежности к мусульманской общине. Помимо этого, общая молитва помогает мусульманам оставаться связанными с традициями и наследием своей культуры. Через нее мусульмане могут поддерживать связь с своей верой, традициями и культурой. Выполнение ритуальной молитвы является неотъемлемой частью исламской традиции, которая уходит своими корнями во времена пророка Мухаммада.

Салат – важный фактор сплоченности мусульманской общины, так как все мусульмане, находящиеся в одном месте, молятся одновременно в направлении Каабы в Мекке. Во время ритуальной молитвы читаются строго определенные формулы на арабском языке, что способствует поддержанию единства верующих во всем мире, вне зависимости от их родного языка и культурной принадлежности. Таким образом, *салат* не только является религиозным обрядом для мусульман, напоминающим о верности религии и обязательствах перед Богом, помогающим достичь духовной гармонии и благополучия, но и укрепляет социальную связь между мусульманами, как на уровне отдельной местной общины, так и в масштабах всемирной общности мусульман, *уммы*.

В связи с этим приобретает особую важность исследование значения данного термина в Коране, в том числе в контексте формирования взглядов ранней исламской общины на другие религиозные группы. На примере термина *ṣalāt* удобно рассмотреть механизмы конструирования собственной, уникальной идентичности мусульманской общины на самых ранних этапах ее формирования. Один из ключевых элементов этого процесса заключается в придании ключевым религиозным терминам соответствующей эмоциональной окраски и наделении их особым значением, выходящим за рамки непосредственного опыта членов общины.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ РАБОТЫ

Ритуальная молитва в исламе является одной из наиболее хорошо разработанных в исламоведении тем, что делает невозможным сколько бы то ни было исчерпывающий обзор литературы по этой теме; значительную часть основных библиографических сведений и краткое изложение общепринятых взглядов на нее можно найти в соответствующих статьях в *Encyclopedia of Islam* [Monnot, 1995] и *Encyclopedia of the Quran* [Böwering, 2004]. Была исследована история формирования коллективной молитвы [Becker, 2016; Rubin, 2016], а также предшествующие появлению ислама практики в Аравии [Tottoli, 2023]. Роль унификации религиозных предписаний, в том числе ритуальных практик, для сплочения ранней мусульманской общины была раскрыта в ряде ставших классическими монографий [Togteu, 1933; Hallaq, 2004; Goitein, 2010]. Значение и функционирование глагола *ṣallā* («молиться», «благословлять»), родственного термину *ṣalāt* в доисламское время, также уже было предметом исследований [Jeffry, 2007; Sinai, 2019]. Важная роль ритуальной молитвы (и других форм совместного участия в акте поклонения) как фактора коллективной идентичности в современную эпоху была ранее отмечена в большом количестве разных по объему работ, приводящих и анализирующих примеры на разнообразном материале [Bowen, 1989; Henkel, 2005; Kim, 2007; Riaz, 2013; Опарин, 2017; Шахбанова, 2021], причем лишь некоторые из них приведены здесь в качестве примера. Были предприняты шаги для того, чтобы рассмотреть практику коллективной ритуальной молитвы с точки зрения общего религиозноведческого подхода [Denny, 1985; GhaneaBassiri, 2022]. Настоящая статья в значительной степени является продолжением работы по контекстуальному исследованию эмотивной составляющей, характерной для коранических лексем, которые описывают различные пути взаимодействия между Богом и человеком [Розов, 2022; Rozov, 2022(2)].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ

Основным исследовательским методом в данной статье является контекстуальный анализ коранического текста, при этом особое внимание уделяется его эмотивной и риторической составляющей. Поиск и анализ коранических фрагментов, содержащих лексему *ṣalāt*, осуществлялся при помощи Корпуса Корана³, после чего анализировать их содержание и контекст. При этом особое внимание уделялось, с одной стороны, контекстам, в которых описываются религиозные общины, а с другой – характерной для типологии коранического текста «теоцентричности» повествования, превращающей отдельные нарративы в элементы единой истории взаимоотношений между Богом и человечеством, наделенной этическим смыслом [Fudge, 2022]. Это позволяет воспринимать эту лексему в тексте Корана как своего рода идейный континуум, сохраняющий свою важность и значение на протяжении всего коранического текста.

ТЕРМИН *ṢALĀT* – ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ДИСТРИБУЦИЯ
В ТЕКСТЕ КОРАНА

Глагол *ṣallā* («молиться»), с которым тесно связан термин *ṣalāt*, восходит к сирийскому арамейскому языку (с тем же значением) и был в ходу до возникновения ислама [Jeffry, 2007, p. 198–199]. Так, доисламский поэт-христианин аль-А'ша описывает свою дочь, молящуюся за него, используя глагол *ṣallā* (однако в значении, более близком к исламскому понятию *du'ā'*, т.е. как личное, неформальное обращение к Богу) [Sinai, 2019, p. 51]. В Коране эта глагольная форма встречается 16 раз, при этом термин *ṣalāt* используется гораздо чаще – он встречается в Коране 78 раз: 65 раз с личным местоимением, два раза в сопряженном словосочетании (изафете), 11 раз со слитным местоимением; при этом только 5 раз во множественном числе [Böwering, 2004, p. 217]. Использование термина *ṣalāt* в тексте Корана отличается крайней неравномерностью с точки зрения хронологии его текста. Это слово не встречается в самых ранних сурах I мекканского периода («поэтических»), а его появление как устоявшегося именно исламского термина может быть отнесено к периоду между 620 и 624 гг. При этом половина всех случаев вхождения термина в текст Корана относится к мединскому периоду, т.е. содержится в 20% текста [Monnot, 1995, p. 925]. Это неудивительно, поскольку именно в мединский период проповеди Мухаммада происходила кристаллизация основных установлений исламского вероучения и ритуала.

Как справедливо отмечалось предшествующими исследователями, следует избегать механического проецирования исламского значения этого термина для обозначения исламской ритуальной молитвы на любое встретившееся на страницах Корана слово *ṣalāt* и на глагол *ṣallā*, поскольку этим словом в мусульманском священном писании обозначается также молитва немусульман, в том числе многобожников; также этот глагол имеет значение «благословлять» [Monnot, 1995, p. 925]. Тем не менее этот тезис нуждается в пересмотре, поскольку коранические сюжеты, особенно посвященные священной истории нарративы, как раз отличаются некоторым анахронизмом: пророки прошлого в них используют ту же лексику и терминологию и те же доводы, что и Мухаммад. Это связано с особенностью коранического текста, как бы проецирующего в прошлое события из жизни и пророческого служения самого Мухаммада. Посланники и пророки прошлого в коранических нарративах имеют только одну функцию: нести послание Бога и быть предвестниками пророчества Мухаммеда, и поэтому воплощают собой, скорее, некий универсальный архетип пророка [Fudge, 2022, p. 56]. Это обстоятельство позволяет исследовать контекст использования

³ [https://corpus.quran.com/ (accessed: 02.10.2023)].

термина *ṣalāt* в Коране не только по отношению к членам исламской общины, но и в историях о пророках прошлого, а также применительно к членам конфессий, считавшихся последователями этих пророков, — иудеев и христиан.

КОНТЕКСТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА *ṢALĀT* В КОРАНЕ

При всей обширности существующих исследований по лексикологии Корана, обстоятельства использования коранического термина *ṣalāt* все равно являются интересным объектом для исследования. Это особенно справедливо в случае, когда речь заходит не о происхождении термина или его дистрибуции в тексте Корана, а о контекстах, в которых он используется, их эмоциональной окраске и, соответственно, риторическом значении. Были исследованы все случаи, в которых этот термин используется в контекстах, имеющих непосредственное отношение к идентичности, в связи с пророками прошлого и мусульманской общиной.

В первую очередь необходимо отметить связь этого термина с пророками прошлого. В коранической картине мира коллективная молитва — не нововведение Мухаммада, а установление, заповеданное Богом религиозным общинам прошлого. При этом интересно отметить, что «выстаивание молитвы» почти всегда упоминается в контексте «Людей Писания», т.е. христиан и иудеев, а также в связи с посланными к ним пророками. Так, в суре «Корова» (2:83) это выражение появляется в «договоре с сынами Исраила»: *«И вот взяли Мы договор с сынов Исраила: “Вы не будете поклоняться никому, кроме Аллаха; к родителям — благодеяние, и к родичам, и сиротам, и беднякам. Говорите людям хорошее, выстаивайте молитву (wa aqīmū al-ṣalāta), приносите очищение»* (2:83)⁴. Ранее в той же суре в кораническом фрагменте, который, по замечанию И.Ю. Крачковского, представляет собой «проповедь для иудеев» [Коран, 1986, с. 517], содержатся следующие слова: *«И выстаивайте молитву (wa aqīmū al-ṣalāta), и давайте очищение, и кланяйтесь с поклоняющимися. Неужели вы будете повелевать людям милость и забывать самих себя, в то время как вы читаете писание? Неужели же вы не образумитесь? Обратитесь за помощью к терпению и молитве (wa-staʿīnū bi al-ṣabri wa al-ṣalāti); ведь она — великая тягота, если только не для смиренных»* (2:43–45). Про Мусу в контексте истории Исхода из Египта говорится следующее: *«И внушили Мы Мусе и его брату: “Изберите для вашего народа в Мисре дома, и сделайте дома ваши местом молитвы (wa-jʿalū biyūtakum qiblatan), и простаивайте молитву (wa aqīmū al-ṣalāta), — и обрадуй верующих!»* (10:87). Другое место, где вместе упоминаются Муса, молитва и история исхода из Египта — сура 20 «Та Ха»: *«Воистину 10, Я — Бог, нет божества, кроме Меня! Поклоняйся же Мне и совершай молитву (wa aqīm al-ṣalāt) в Мое воспоминание!»* (20:14).

Но не только в контексте пророка Мусы (и критики иудаизма) встречается мотив коллективной молитвы. Ибрахим просит сделать его «выстаивающим молитву» (*muqīm al-ṣalāt*) и даровать это же благо его потомству (14:40). Из других пророков «выстаивать молитву» было заповедано Исхаку и Йакубу (*«И даровали ему Исхака и Йакуба, как подарок, и всех сделали праведными. И сделали их предводителями, которые ведут по Нашему повелению, и внушили им делать добрые дела, выполнять молитву (iqāta al-ṣalāti) и приносить очищение, и были они Нам поклоняющимися»*) (21:73). «Выстаивание молитвы» — важная часть миссии, заповеданной пророку ʿИсе. Согласно кораническому рассказу, в колыбели он сказал: *«Я — раб Аллаха, Он дал мне писание и сделал меня пророком. И сделал меня благословенным, где бы я ни был, и заповедал мне молитву и милостыню, пока я живу»* (19:30–31). Далее в тексте суры говорится о том, что до пророка ʿИсы и Исмаʿил «прика-

⁴ Здесь и далее перевод смыслов Корана приведен по И.Ю. Крачковскому [Коран, 1986].

зывает своей семье молитву и милостыню» (*wa kāna ya 'muru ahlahu bi al-ṣalāti wa al-zakāti*) (19:55), однако потомки его и других пророков из-за мирских страстей «погубили молитву» (*aḍā 'ū al-ṣalāta*) (19:59). Это выражение явно противопоставляется устойчивой формуле «выстаивать молитву» (*aqāta al-ṣalāta*) [Коран, 1986, с. 574].

Из небиблейских пророков только Шу'айб описывается в контексте, в котором встречается термин *ṣalāt*, причем проводится явная параллель между ним и самим Мухаммадом. Мадйяниты, к которым он был послан, восприняли данные через него заповеди как покаяние на веру отцов, сказав ему: «О Шу'айб! Неужели твоя молитва (*ṣalātuka*) повелевает нам оставить то, чему поклонялись отцы наши, или поступать с нашим имуществом, как мы пожелаем?» (11:87). В последних словах слышится явный рефрен с устойчивой формулой (*wa aqīmū al-ṣalāt wa ātū al-zakāt*) «выстаивайте молитву и очищайте имущество» (путем выделения из него доли на религиозные нужды), которая встречается в Коране более 25 раз. Упоминание этого обязательного налога наряду с ритуальной молитвой является еще одним свидетельством важности последней для дел общины [Monnot, 1995, p. 925–926].

Из этого можно сделать вывод: выполнение коллективной молитвы (наряду в выделением пожертвования из имущества) рассматривалось как прямая и непосредственная обязанность «людей Писания», которую они не выполняют и с напоминанием о которой и пришел Мухаммад. В подтверждение этому призыв к мусульманам «выстаивать молитву и приносить очищение» в суре 2 «Корова» (2:110) помещен в речь, критикующую христиан и иудеев и отвергающую их претензии на монопольное обладание истиной. В этом же контексте спора с «людьми Писания» ритуальная молитва упоминается и в суре 7 «Преграды»: считающие себя правыми, но не выполняющие божественные предписания общины сменяются другими, покорными, как это уже было не раз до этого. Кара не постигнет только тех, «которые держатся за писание и выстаивают молитву» (*alladhīna yumassikūna bi al-kitābi wa aqīmū al-ṣalāta*) (7:170). Очень ярко эта же идея описана в суре 98 «Ясное знамение», где о «людях Писания» говорится следующее: «И было им поведено только поклоняться Аллаху, очищая пред Ним религию, как ханифы, выстаивать молитву (*wa yuqīmū al-ṣalāta*), приносить очищение. Это – вера прямоты!» (98:5). Завершает ряд примеров отрывок из суры 4 «Женщины», где также «людям Писания» вменяется в обязанность перед Богом исполнение коллективной молитвы: «Но твердые в знании из них, и верующие, которые верят в то, что низведено тебе и что низведено до тебя, и выстаивающие молитву (*wa al-tuqīmīna al-ṣalāta*), и дающие очищение, и верующие в Аллаха и последний день, – этим Мы дадим великую награду!» (4:162).

Объявление обязательности исполнения ритуальной молитвы для «людей Писания» позволяет рассмотреть следующий контекст использования термина *ṣalāt* в Коране – она, наряду с некоторыми другими критериями, является основанием для того, чтобы считать человека верующим. Так, в суре 6 «Скот» после проповеди, обращенной против тех, кто «свою религию обращает в игру и забаву» (6:70), содержится следующий отрывок: «Скажи: «Поистине, путь Аллаха есть настоящий путь, и нам повелено предаться Господу миров, и приказано: “Выстаивайте молитву и бойтесь Его (*aqīmū al-ṣalāta wa ittaqūhu*), Он – тот, к кому вы будете собраны!”» (6:71–72). В этом отрывке между благочестивым страхом перед Богом (*taqwā*) и исполнением ритуальной молитвы проводится явная параллель, особенно с учетом того, что этот фрагмент находится как раз середине довольно объемной речи, посвященной именно вопросам веры и неверия, а также истинности пророческой миссии Мухаммада. Далее в той же суре выполнение ритуальной молитвы ставится в один ряд с верой в Бога и загробную жизнь: «И это – книга, которую Мы ниспослали тебе, благословенная, подтверждающая истинность того, что было ниспослано до нее, и чтобы ты увещал мать городов и тех, кто кругом ее; и тех, которые веруют в последнюю

жизнь, веруют в Него, и они соблюдают свою молитву (wa hum 'alā ṣalātihim yuḥāfiẓūna)» (6:92). Завершает суру очень яркий фрагмент, где ритуальная молитва уже сравнивается с благочестием, жизнью и смертью: «Поистине, молитва моя и благочестие мое, жизнь моя и смерть – у Аллаха, Господа миров (inna ṣalātī wa nūsukī wa maḥyāya wa matātī li-Allāhi rabbi al-'ālamīna), у которого нет со товарища. Это мне повелено, и я – первый из предавшихся» (6:162).

Есть в Коране и фрагменты, где вера напрямую определяется, наряду с другими факторами, выполнением ритуальной молитвы. Например: «Верующие – только те, сердца которых страшатся, когда поминают Аллаха; а когда читаются им Его знамения, они увеличивают в них веру, и они полагаются на своего Господа; которые простаивают молитву (alladhīna yuqīmūna al-ṣalāta) и расходуют из того, что Мы им даровали» (8:2–3). Та же мысль повторяется в широко известном «аяте меча», причем жизнь и безопасность врагам общины Мухаммада гарантированы после покаяния и принятия ислама, зримыми свидетельствами которого является выполнение молитвы и выделение доли имущества на нужды общины: «Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение (fa in tābū wa aqātū al-ṣalāta wa ātū al-zakāta), то освободите им дорогу: ведь Аллах – прощающий, милосердный!» (9:5). Показательно, что формула «если они обратились и выполняли молитву и давали очищение» (fa in tābū wa aqātū al-ṣalāta wa ātū al-zakāta) используется и далее в тексте суры, где раскаявшиеся и принявшие ислам многобожники, которые начали выполнять ритуальную молитву и выделять имущество, объявляются мусульманами, братьями по религии (ikhwānukum fī al-dīni) (9:11). Эта же мысль звучит далее в этой же суре – верующие объявляются «друзьями друг другу», после чего идет перечисление их признаков, среди которых есть и выполнение ритуальной молитвы: «А верующие мужчины и верующие женщины, – они друзья одни другим: они побуждают к признанному и удерживают от неодобряемого, простаивают молитву и дают очищение, повинуются Аллаху и Его посланнику. Этих помилует Аллах: ведь Аллах – велик, мудр!» (9:71). К этим примерам можно добавить и другой известный аят, ниспосланный после перемены направления молитвы и подчеркивающий социальную ответственность верующего перед другими членами общины: «Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие – кто уверовал в Аллаха, и в последний день, и в ангелов, и в писание, и в пророков, и давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов, и выстаивал молитву, и давал очищение, – и исполняющие свои заветы, когда заключат, и терпеливые в несчастии и бедствии и во время беды, – это те, которые были правдивы, это они – богобоязненные» (2:177).

Важно обратить внимание, что, согласно Корану, выполнение ритуальной молитвы без веры, напоказ, не только не способно спасти человека, но и является грехом, заслуживающим наказания. Так, суре 4 «Женщины» мы находим филиппику в адрес лицемерно молящихся: «Поистине, лицемеры пытаются обмануть Аллаха, тогда как Он обманывает их! А когда они встают на молитву, то встают ленивыми, делая вид пред людьми, и вспоминают Аллаха только мало» (4:142). Лицемерие, пренебрежение осознанной верой при совершении молитвы, равнодушие к участи обездоленных – то, что не останется без наказания: «Горе же молящимся, которые о молитве своей небрегут (hum 'an ṣalātihim sāhūna), которые лицемерят и отказывают в подаянии!» (107:4–7). Последняя цитата вызывает тем не менее некоторые затруднения. Сура направлена против оппонентов Мухаммада из числа знатных мекканцев, и потому слово *ṣalāt*, по мнению ряда исследователей, не может означать ритуальную молитву, которая еще не оформилась в качестве обязательного установления [Monnot, 1995, p. 925]. В то же время жадные и немилосердные мекканские язычники упоминаются в этой суре в качестве сравнения с лицемерами (*munāfiqūna*),

молящимися в присутствии мусульман и пренебрегающими молитвой в их отсутствии. Датировка суры вызывала сомнение у мусульманских ученых [Фролов, 2014, с. 235–236].

Наконец, важным аспектом коранического отношения к ритуальной молитве является представление о ее бытовании за пределами мира людей. Так, Сатана стремится отвлечь людей от религиозных обязанностей мирскими забавами, среди которых *майсир* (гадательная практика, постепенно принимавшая функции азартной игры) и вино: «*Сатана желает заронить среди вас вражду и ненависть вином и майсиром и отклонить вас от поминания Аллаха и от молитвы (wa yaṣuddakum 'an dhikri Allāhi wa al-ṣalāti). Удержитесь ли вы?*» (5:91). Мы видим, что зловердные сверхъестественные сущности понимают важность молитвы и стремятся отвлечь человека от нее. При этом прославление Бога посредством молитвы – обязанность всех творений Бога, среди которых есть и птицы: «*Разве ты не видишь, что Аллаха славят, кто в небесах и на земле, и птицы, летящие рядами. Всякий знает свою молитву и восхваление (kullun qad 'alima ṣalātahu wa tasbīhuhu). И Аллах знает о том, что они делают!*» (24:41). Это пересекается с кораническим представлением об ангелах, которые непрестанно восхваляют Бога на небесах, и о природных явлениях, славящих Бога (например, 13:13 и др.).

ТЕРМИН *ṢALĀT* В КОНТЕКСТЕ РИТОРИЧЕСКИХ И ЭМОТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОРАНА

Приведенные выше примеры использования термина *ṣalāt* позволяют сделать вывод, что выполнение молитвы, обозначаемой этим термином (что бы под этим ни понималось), является одним из важнейших критериев, отличающих верующего от неверного. Обязанность совершать молитву возложена на каждого верящего в Бога человека, как мусульманина, так и христианина или иудея, при этом последние две общины критикуются именно за пренебрежение этой обязанностью.

Текстуально призывы к выполнению молитвы отличаются рядом характерных особенностей, призванных оказывать особое влияние на эмоциональное состояние первых слушателей Корана. Так, они обладают формульным характером: регулярно используется устойчивое сочетание *aqāma al-ṣalāta* («выстаивать молитву»); термин *ṣalāt* постоянно используется в паре с другим термином, также обозначающим обязанность мусульманина перед общиной (*zakāt*). Устойчивый характер этих призывов чрезвычайно важен, поскольку формулы, являясь одним из маркеров сакральной речи [Samarin, 1987, p. 88], придают им характер предвечных, исходящих от высших сил установлений, что было характерно и для особенностей восприятия аудитории, к которой обращался пророк Мухаммад [Rozov, 2022(1)]. «Мерная», структурированная речь также приобретает не только эстетическое, но и этическое измерение [Родионов, 2014, с. 52].

Оформленные в качестве устойчивых выражений призывы к совершению молитвы передаются как через самого Мухаммада, так и вкладываются в уста пророков прошлого. Последнее обстоятельство связано с тем, что коранический текст имплицитно подразумевает, что его читатель / слушатель отождествляет себя и свое окружение с одной из вводимых самим текстом категорий людей: верующими или неверующими [Fudge, 2022, p. 62]. Послания пророков по содержанию (и по форме!) одинаковы, потому что Божья истина вечна, события, составляющие существо их пророческих миссий, постоянно повторяются, ведь ни человеческая природа, ни пути взаимодействия Бога с человечеством не изменились [Stewart, 2000, p. 47].

Наконец, использование лексемы *ṣalāt* имеет ярко выраженное морально-этическое измерение: несмотря на то, что ее выполнение – обязанность, иногда весьма тяжелая, для

всех живых существ, она дана человеку в качестве помощи и поддержки. Молитва способна устранить зло, оградить верующего от происков сверхъестественных сущностей. Выполнение молитвы напояет при пренебрежении обязанностями по отношению к ближним является серьезным нарушением религиозных норм и не может считаться поведением, достойным верующего.

ВЫВОДЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Коллективная молитва, играя важнейшую роль в идентичности современных мусульман, предстает выполняющей сходные функции и в кораническом тексте. Таким образом, она являлась важным инструментом установления идентичности ранней исламской общины и зримым свидетельством веры в Бога. Сам концепт молитвы (*salāt*) в кораническом тексте, вне зависимости от хронологии его ниспослания и эволюции этой лексемы в качестве узко-исламского религиозного термина, являлся своего рода «камертоном», задающим критерии веры и неверия. Ритуальная молитва предстает в тексте Корана в качестве маркера принадлежности к общине и служит отправной точкой надлежащего выполнения морально-этических предписаний. При этом фрагменты, в которых молитва описывается в контексте взаимоотношений между Богом и человечеством, представленным различными общинами и посланными к ним пророками, ярко отражают особенности риторики и эмотивных особенностей коранического текста, его подчеркнутой «теоцентричности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986 [*The Quran. Tr. by I.Y. Krachkovsky. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)*].

Опарин Д.А. Современное мусульманское пространство Москвы: северокавказский зикр и среднеазиатские религиозные практики. *Этнографическое обозрение*. 2017. № 4. С. 115–130 [Oparin D.A. Contemporary Muslim Space in Moscow: North Caucasian Dhikr and Central Asian Religious Practices. *Ethnographic Review*. 2017. No. 4. Pp. 115–130 (in Russian)].

Родионов М.А. Культурная память и мерная речь на Юге Аравии: Хадрамаут. СПб.: МАЭ РАН, 2014 [Rodionov M.A. *Cultural Memory and Measured Speech in the South of Arabia: Hadhramaut*. St. Petersburg: MAE RAN, 2014 (in Russian)].

Розов В.А. Контекстуальный и эмотивный анализ использования лексемы *dhikr* в Коране. *Исламоведение*. 2022. Т. 13. № 4 (54). С. 61–74 [Rozov V.A. Contextual and Emotive Analysis of the Lexeme *dhikr* in the Qur'an. *Islamic Studies*. 2022. Vol. 13. No. 4 (54). Pp. 61–74 (in Russian)].

Фролов Д.В. Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'. Т. 3. Суры 98–114. М.: Восточная книга, 2014 [Frolov D.V. *Commentary on the Quran. Thirtieth juz'*. Vol. 3. Suras 98–114. Moscow: Vostochnaya Kniga, 2014 (in Russian)].

Шахбанова М.М. Ритуальное поведение городского населения Дагестана. *Caucasian Science Bridge*. 2021. Vol. 4. № 3 (13). С. 18–27. [Shakhbanova M.M. Ritual Behavior of the Urban Population of Dagestan. *Caucasian Science Bridge*. 2021. Vol. 4. No. 3 (13). Pp. 18–27 (in Russian)].

Becker C.H. On the History of Muslim Worship. *The Development of Islamic Ritual*. G. Hawting (ed.). London & New York: Routledge, 2016. Pp. 49–74.

Bowen J.R. *Salat* in Indonesia: The Social Meanings of an Islamic Ritual. *Man, New Series*. 1989. Vol. 24. No. 4. Pp. 600–619.

Böwering G.P. Prayer. *Encyclopedia of the Quran*. Vol. IV. Leiden & Boston: Brill, 2004. Pp. 215–230.

Denny F.M. Islamic Ritual: Perspectives and Theories. *Approaches to Islam in Religious Studies*. Tucson: The University of Arizona Press, 1985. Pp. 63–77.

Fudge B. Mimesis and the Representation of Reality in the Qur'an. *Non Sola Scriptura: Essays on the Qur'an and Islam in Honour of William A. Graham*. B. Fudge, K. Ghanea Bassiri, Ch. Lange, S. Bowen Savant (eds.). London & New York: Routledge, 2022. Pp. 44–65.

Ghanea Bassiri K. The Masjid in the Qur'an. *Non Sola Scriptura: Essays on the Qur'an and Islam in Honour of William A. Graham*. B. Fudge, K. Ghanea Bassiri, Ch. Lange, S. Bowen Savant (eds.). London & New York: Routledge, 2022. Pp. 66–90.

Goitein S.D. *Studies in Islamic History and Institutions*. Leiden & Boston: Brill, 2010.

Hallaq W.B. *The Origins and Evolution of Islamic Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Henkel H. Between Belief and Unbelief Lies the Performance of *Salāt*: Meaning and Efficacy of a Muslim Ritual. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2005. Vol. 11. No. 3. Pp. 487–507.

Jeffery A. *The Foreign Vocabulary of the Qur'ān*. Leiden & Boston: Brill, 2007.

Kim H.-J. *Reformist Muslims in a Yogyakarta Village. The Islamic Transformation of Contemporary Socio-Religious Life*. Canberra: ANU E Press, 2007.

Monnot G. *Salāt. Encyclopedia of Islam, II*. Vol. VIII. Leiden & Boston: Brill, 1995. Pp. 925–934.

Riaz A. *Islam and Identity Politics Among British-Bangladeshis : A Leap of Faith*. Manchester: Manchester University Press, 2013.

Rozov V.A. Language of Spirits: Parallels Between Rhymed Prose (Sadj') of Pre-Islamic Arabian Soothsayers and Verbal Behavior of Shamans. *Siberian Historical Research*. 2022(1). No. 3. Pp. 76–96.

Rozov V.A. Terms of Personal Prayer in the Qur'ān: a Contextual and Emotional Analysis. *Vostok (Oriens)*. 2022(2). No. 6. Pp. 201–209.

Rubin U. Morning and Evening Prayers in Early Islam. *The Development of Islamic Ritual*. G. Hawting (ed.). London & New York: Routledge, 2016. Pp. 105–129.

Samarin W.J. The Language of Religion. *An International Handbook of the Science of Language and Society*. A. Ulrich, N. Dittmar, K.J. Mattheier (eds.). Vol. 1. Berlin & New York: De Gruyter, 1987. Pp. 85–91.

Sinai N. *Rain-Giver, Bone-Breaker, Score-Settler: Allāh in Pre-Quranic Poetry*. New Haven: American Oriental Society, 2019.

Stewart D.J. Understanding the Koran in English: Notes on Translation, Form, and Prophetic Typology. *Diversity in Language: Contrastive Studies in English and Arabic Theoretical and Applied Linguistics*. Z. Ibrahim, N. Kasabgy, S. Aydelott (eds.). Cairo: American University in Cairo Press, 2000. Pp. 31–48.

Torrey C.C. *The Jewish Foundation of Islam*. New York: Jewish Institute of Religion Press, Bloch Publishing Co, 1933.

Tottoli R. *Studies in Islamic Traditions and Literature*. London & New York: Routledge, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОЗОВ Владимир Андреевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры арабской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Vladimir A. ROZOV, PhD (Philology), Senior Lecturer, Chair of Arabic Philology, Department of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.